

Recenze

Hned další stať A. M. Lomova, která uvádí oddíl Литература в движении эпох aluzivně připomínající známou Osmakovovu funkčně historickou metodu, je ve spojitosti s Lichačovem zajímavá: autor v ní vyvrací na základě jazykovědných argumentů (mj. uvádí i druhý jihoslovanský vliv) názor, že Slovo o pluku Igorově bylo napsáno ve 12. století – spíše je klade do 14. nebo 15. století, neboť nelze stále předpokládat, že existoval nějaký starší exemplář – to není doložitelné. Zajímavé by bylo srovnat tyto názory se známou knihou E. Keenana, kde se dovozuje autorství J. Dobrovského.

Mimo jiné značně přitažlivé jsou studie o Puškinovi z pera N. A. Tarchovové (pozdní čtyřverší), A. A. Faustova a V. A. Kolmykova (Сказка о попе и о работнике его Балде), práce V. I. Melnika o I. Gončarovovi v Moskvě, analýza S. Levina o židovském tématu u Leskova z pozice vypravěče aj. Speciální blok je věnován slavjanofilům, např. J. N. Penskaja píše o sémantice ruského života v kroužcích (o tom kdysi psal také německý rusista K. Städtke v souvislosti s kroužkem Stankevičovým), G. V. Zykovová nápaditě píše o Saltykovově vztahu k slavjanofilům a raskolníkům (podle jejího názoru spojování až identifikace názorů slavjanofilů a raskolníků vyplývá ze špatně pochopeného Saltykovova výroku) a ukazuje na konflikt mezi jeho osobním ustrojením a revolučnědemokratickou ideologií, k níž se posléze přiklání. Čtivé jsou i dopisy A. V. Družinina, z aspirantských prací např. analýza chronotopu v Bulgakovově Bílé gardě (J. O. Šumilovová); oddíl recenzí má značné tematické rozpětí (kromě ruské literatury E. A. Poe, J. Joyce, S. Becket).

Ivo Pospíšil

ВДОХНОВИТЕЛЬНОЕ ЗАВЕЩАНИЕ ЛИТЕРАТУРЫ СЕРЕБРЯНОГО ВЕКА

Pašteková, S.: *Moderné inšpirácie ruskej literatúry. Kultúrno-historické, poetologicko-interpretáčn é a recepčné súvislosti ruskej literatúry začiatku 20. storočia.* Bratislava, VEDA, vydavateľstvo SAV, 2006, 152 c.

Своеобразный феномен русской литературы т. наз. «серебряного века» принадлежал относительно долгое время к более или менее замалчиваемым и односторонне предьявляемым темам литературоведов и интерпретаторов не только в самой России, но также во многих странах Центральной и Восточной Европы, в том числе и в контексте бывшей чехословацкой русистики. Информационный и интерпретационный бум, появившийся в связи с этой темой в свободной атмосфере прошлого десятилетия, подтвердил прочное место литературы серебряного века в контексте русской и европейской культуры, однако наметил и некоторые естественно отличающиеся подходы и традиции восприятия данного феномена в отдельных странах и их культурах. Оказалось даже, что предельно близкие чешская и словацкая культуры не подходили к этой теме в прошлом и не трактуют ее в настоящее время вполне идентично. Свою роль сыграли, между прочим, такие обстоятельства, как например,

более выразительное присутствие русской послереволюционной эмиграции в чешской части довоенного общего государства (это касается именно т. наз. «пражской эмиграции»), у которой нетрудно заметить даже естественное продолжение традиций серебряного века, провоцирующее частично и некоторые переводы и, в связи с этим, более осведомленное восприятие континиума дореволюционных и послереволюционных стилистических, креативных и семантических приемов.

В связи с этим может возникнуть впечатление, будто чешская культурная среда частично опережает словацкие контакты, переводы, научные анализы и интерпретации проблематики намеченного периода развития русской литературы. Однако в последнее время появился не только ряд качественных словацких переводов, но также и несколько интересных теоретических работ, адекватно заполняющих это фактивно «белое пятно» русско-словацкого межкультурного диалога. К ним следует, несомненно, добавить недавно появившуюся книгу **С. Паштековой** (Институт мировой литературы Словацкой академии наук), представляющей собой предмет настоящей короткой рецензии.

Уже подзаголовок книги подсказывает нам лейтмотив избранных автором целей: попытку выделить основные различительные знаки литературы серебряного века в связи с вопросами культуры, истории, поэтологии и интерпретации последней. Исходя из намеченного замысла, Паштекова разделила книгу на три основные (с точки зрения тематической ориентировки) отличающиеся части. В первых двух главах, несущих имплицитно пропедевтический и информационный характер, она стремится наметить и подытожить словацким читателям, реципиентам и специалистам основные «корни» возникновения, формирования и развития русской литературы перелома XIX и XX вв. Именно поэтому она говорит о философическо-эстетических «исходных началах и тенденциях развития русского «модернизма», учитывая, конечно, традиционные семантические и интерпретационные сдвиги в словацком (аналогично и чешском) и русском подходах к самому восприятию данного терминологического обозначения, отражающиеся, между прочим, в русском более парциальном и «фрагментарном» характере. Паштекова стремится в сжатой и обзорной форме обобщить тенденции эволюционного пути русской литературы, ведущие к зарождению модернистских принципов художественного восприятия и оформления человеческого мира; она закономерно исходит из опыта и традиций великой («золотой») русской классики, из своеобразного дихотомического положения русской культуры и философического мышления на европейско-азиатском «шве» и из взаимного диалога русской и западноевропейской культур. По праву она делает адекватный акцент на вкладе символизма, играющего несомненно решающую роль и в зарождении русских модернистских тенденций и в последующем вариабельном развитии, представляющем собой настоящий период «серебряной» культуры (особенно в развитии креативного вклада постсимволистических течений акмеизма и футуризма или послереволюционных вкладов имажинизма, конструктивизма, формализма и др.). Из намеченного процесса она не выделяет даже М. Горького и с его «неореалистическим» уклоном.

Вторая (основная) часть монографии обобщается стремлением автора идентифицировать доминантные поэтологическо-интерпретационные аспекты русской литературы начала XX в. В отличие от первой части Паштекова выбирает несколько парциальных тем – с целью иллюстрировать (в сопоставительном русско-словацком и

Recenze

русско-европейском аспекте) некоторые различительные знаки русской литературы избранного периода. Закономерно она касается »полисемантического воплощения действительности в произведениях А. П. Чехова и мастерства запечатления будничной пустоты, прерываемой крохотными мгновениями мнимого счастья, в произведениях чеховского последователя И. Бунина. Думается, что избранный подход оправдан, так как конкретные темы и их анализы способны иногда наглядно и успешно заменять обобщенное изложение, в котором (под влиянием стремления описывать и анализировать абсолютно всё) трудно избегать потенциальных упрощений или общепринятых штампов. В небольших следующих главах поэтому потенциальному читателю предлагаются интересные темы, значение которых иногда акцентировано сопоставительной «оптикой» анализа, касающегося, например, сравнения эволюционных параллелей русского и словацкого экспрессионизма (Л. Андреев и Й. Барч-Иван), роли символа в экспрессионистской драме (Л. Андреев), новых интерпретаций библейских текстов в русской литературе начала XX в. (Л. Андреев), религиозно-философских детерминантов русской антиутопической прозы начала XX в. (Е. Замятин, А. Платонов), различительных знаков жанра литературной антиутопии при восприятии мира и европейских параллелей русского имажинизма (дадаизм, сюрреализм) и попытки поиска взаимосвязей между имажинизмом и постоянно (с точки зрения интерпретации) проблематической краткой поэмой С. Есенина «Черный человек».

Паштекова не берется за более подробный анализ упомянутых тем, что объясняется избранным информационно-иллюстративным характером монографии. Несмотря на это необходимо отметить позитивный вклад ее книги в современную словацкую русистику, так как автору монографии удастся внести «ориентационный импульс» в мало разработанную, но очень важную тему, без знания которой нельзя объективно оценивать русскую литературу всего XX в. Мне представляется, что именно для молодого поколения словацких русистов обсуждаемая книга может стать очень полезной, благодаря тому, что она стимулирует интерес и внимание к некоторым прежде деформированным и упрощенным фактам.

Монография завершается небольшой главой, посвященной восприятию русского модернизма и авангарда в словацком культурном пространстве. Кроме вступительной заметки, касающейся тесной связи словацкой рецепции данной проблематики с политическим и историческим контекстом прошлых десятилетий, конкретное внимание автором уделяется таким вопросам, как словацкое переводческое и читательское восприятие русского экспрессионизма Л. Андреева, словацкое восприятие Е. Замятина и А. Платонова и формирование словацкой рецепции имажинистского поэта С. Есенина. Паштекова, однако (как было замечено выше), не предлагает более глубокий анализ упомянутых тем, скорее, на мой взгляд, их определяет и называет, подчеркивая, таким образом, потенциальные необходимые научные возвращения словацкой русистики, литературоведения и культуры «pro futuro».

Обсуждаемая книга С. Паштековой дополнена необходимым списком избранной вторичной литературы к излагаемой в ней теме и именованным указателем, что несомненно может не только облегчить читательскую ориентировку, но также вызвать дискуссию об актуальной теме русского модернизма и авангарда, и, конечно, о всем процессе эволюции новой русской литературы.

Ольдржих Рухтерек